— Всё слишком запутанно, кажется, под подозрением многие… — Гу Хуайцин сделал глоток вина, нахмурился и неспешно продолжил:

— Если верить показаниям Цю Лянь, убийца действовал между третьим и четвёртым часом ночи. Он издал звук снаружи, чтобы выманить Цю Лянь во двор, а сам в это время проник на кухню, взял вино из шкафа и подмешал его в отвар.

Дуань Минчэнь одобрительно хмыкнул, взглядом побуждая его продолжать.

Гу Хуайцин продолжил:

— В это время алиби было у госпожи Шэнь и управляющего. Однако свидетельство госпожи Шэнь предоставила её служанка Ся Хэ, которая ей безгранично предана. Не исключено, что хозяйка со служанкой могли сговориться.

Дуань Минчэнь покачал головой:

— Убийство родного отца — дело нешуточное, для него нужен веский мотив. С древних времён женщина в доме полагается на отца, а после замужества — на мужа. Первый министр Шэнь был могущественным человеком, опорой для Шэнь Ичань. Что она могла получить, убив его?

— Может, она не хотела выходить за лауреата экзаменов Вэй? — предположил Гу Хуайцин.

— С древности браки заключаются по воле родителей и через сватов. К тому же лауреат Вэй — талантливый и красивый мужчина, казалось бы, идеальная партия! Даже если она не хотела за него замуж, зачем убивать отца? После его смерти она лишится поддержки и должна будет три года носить траур, а к тому времени состарится, и найти жениха станет куда сложнее.

— Это действительно подозрительно, — согласился Гу Хуайцин. — Но сегодня она вела себя странно. Кто изображён на той картине? Завтра мы можем под каким-нибудь предлогом обыскать её комнату, возможно, найдём что-то полезное.

Дуань Минчэнь кивнул в знак согласия.

Гу Хуайцин продолжил:

— Оставим пока госпожу Шэнь. Что насчёт управляющего? Его алиби подтверждает бухгалтер, но и его могли подкупить. Мотив же у управляющего очевиден: ведь Шэнь Юйчжу — его незаконнорожденный сын. После смерти первого министра тот станет единственным законным наследником и естественно унаследует его состояние, а управляющий, как его настоящий отец, сможет извлечь из этого выгоду.

— Те, у кого нет алиби, — это Шэнь Юйчжу, наложница Цзян и госпожа Шэнь. Шэнь Юйчжу мы уже обсуждали — вряд ли он убийца, скорее всего, его подставили. Наложница Цзян была одна в своей комнате, рядом не было служанки, так что никто не может подтвердить её алиби. Но судя по её поведению, она женщина недалёкая, способна ли она на столь хитроумное убийство?

Что касается госпожи Шэнь, Се Хуэйлань, между третьим и четвёртым часом ночи она послала служанку Дун Мэй позвать первого министра в покои. В это время она была одна. И хотя внешне она скорбит о смерти мужа, втайне развлекается с служанкой, разыгрывая сценки. Разве это не подозрительно?

В доме Шэнь, кажется, у каждого есть свои секреты. Жаль первого министра: после его смерти никто по-настоящему не печалится. Неудачник, однако!

Дуань Минчэнь постучал пальцами по столу и с лёгкой улыбкой заметил:

— Ты хорошо анализируешь, но упустил ключевой момент.

Гу Хуайцин насторожился:

— Что именно?

Дуань Минчэнь достал из кармана клочок белого ханчжоуского шёлка:

— Вот это. Действительно ли это улика? Старуха У видела в сливовом саду белый силуэт. Даже если это не убийца, он наверняка связан с преступлением.

— Это верно, но у Шэнь Юйчжу не нашли порванного халата из ханчжоуского шёлка. Возможно, убийца его уничтожил.

— Как бы то ни было, это важная зацепка, и мы не можем её упускать.

Гу Хуайцин хлопнул себя по бедру:

— Точно! Давай используем это как предлог, чтобы как следует обыскать весь дом Шэнь. Обыщем все комнаты, может, найдём какие-нибудь улики!

Дуань Минчэнь улыбнулся:

— Я как раз об этом думал.

— Тогда чего мы ждём? За дело! — Гу Хуайцин потирал руки от нетерпения.

— Сейчас? — Дуань Минчэнь взглянул на тёмное окно и рассмеялся. — Уже глубокая ночь, дом Шэнь давно закрыт. К тому же обыск нельзя проводить без разрешения. Завтра утром я пойду в Усмирительное ведомство и получу санкцию от начальника.

Гу Хуайцин задумался, понял, что тот прав, и смущённо замолчал, потянувшись за кувшином. Но тот оказался пуст.

— Эй, принесите ещё вина! — крикнул он за дверь.

Дуань Минчэнь остановил его:

— Ты всё ещё пьёшь? Тебе разве не надо возвращаться во дворец отдыхать?

— Нет, ворота уже закрыты, мне некуда идти. Давай выпьем до рассвета! Что, не рискнёшь составить компанию?

— Ладно, составлю, — в голосе Дуань Минчэня прозвучала снисходительная покорность.

Гу Хуайцин, не будучи заправским выпивохой, после ещё одного кувшина начал видеть всё в двойном изображении, мир вокруг поплыл.

— Хе-хе, у тебя… две головы? — Гу Хуайцин, обхватив кувшин одной рукой и опираясь на стол

другой, глупо ухмылялся.

— Говорил же, пей меньше, — не слушаешься!

Дуань Минчэнь, воспользовавшись тем, что Гу Хуайцин вот-вот рухнет, ловко выхватил у него из рук кувшин.

— Не отнимай, верни… — Гу Хуайцин, пытаясь дотянуться, бросился вперёд, но ноги его подкосились, и он врезался в Дуань Минчэня.

Тот, не ожидавший, что Гу Хуайцин в пьяном виде окажется таким милым, решил подразнить его и намеренно поднял кувшин высоко, чтобы тот не мог достать.

Гу Хуайцин несколько раз безуспешно потянулся, надул губы и, ухватившись за рукав Дуань Минчэня, жалобно взмолился:

— Дай… ну дай же…

Обычно самоуверенный Гу Хуайцин, выпив, стал похож на ребёнка. Тёмные фениксовые глаза подёрнулись влажной дымкой, от жары на лбу выступила тонкая испарина, отчего белая кожа казалась ещё более хрустально-прозрачной.

Дуань Минчэнь почувствовал лёгкое волнение и невольно протянул руку, чтобы потрогать лоб Гу Хуайцина. Кожа оказалась нежной и гладкой. Проведя пальцами несколько раз, он убрал руку — на кончиках осталась лишь прозрачная влага.

— Так, думал, пудришься, а оказалось, просто от природы белокожий, — пробормотал он себе под нос.

Будь Гу Хуайцин в сознании, он бы наверняка огрызнулся, но сейчас он лишь уставился на кувшин, бормоча:

— Вино… Брат Дуань, дай вина, давай ещё выпьем…

Это обращение «брат Дуань» заставило сердце Дуань Минчэня радостно ёкнуть. Воспользовавшись моментом, он обнял Гу Хуайцина и, словно заманивая, прошептал:

— Слушайся, позови ещё раз «старший брат», позовёшь — дам.

Гу Хуайцину стало неловко от таких объятий, он нахмурил тонкие брови и заёрзал, пытаясь вырваться. Но Дуань Минчэнь был силён и крепко держал его за талию.

Помотавшись немного, Гу Хуайцин выбился из сил и сдался, дрожащим голосом вымолвив:

— …Старший брат Дуань.

Сердце Дуань Минчэня словно кто-то сжал, ритм сбился.

В Гвардии в парчовых халатах его высоко ценили, младшие братья вроде Ло Циня и Тан Цзинвэня звали его «старшим братом»; в армии и среди друзей-вольников тоже хватало тех, кто с уважением называл его «братом». Но это «старший брат Дуань» из уст Гу Хуайцина звучало как-то по-особенному, заставляя чувствовать себя необычайно приятно и гордо. Сам не пьян, а будто паришь.

Погладив мягкие волосы Гу Хуайцина, Дуань Минчэнь украдкой заменил вино в кувшине на простую воду, налил в чашу и поднёс ему.

Гу Хуайцин, опираясь на руку Дуань Минчэня, сделал пару глотков, невнятно хмыкнул, и, наконец, хмель окончательно ударил в голову. Он склонил голову на грудь Дуань Минчэня и замер.

Дуань Минчэнь, погружённый в свои мысли, очнулся лишь тогда, когда понял, что Гу Хуайцин уже уснул у него на руках.

Спящий Гу Хуайцин походил на послушного котёнка: щёки розовые, губы влажные, и он даже тихо посапывал.

К счастью, в кабинете была удобная широкая кровать. Увидев, что Гу Хуайцин отключился, Дуань Минчэнь заказал похмельный отвар, напоил его, затем уложил в постель, снял верхнюю одежду и укрыл одеялом.

Закончив, он сел на край кровати и уставился на спящего, погружённый в раздумья.

Прошло много времени, и лишь когда донёсся утренний барабанный бой и крик петуха, Дуань Минчэнь покинул комнату. Он расплатился за ночлег и, перед уходом, не без тревоги велел Юаньвэй хорошо присмотреть за Гу Хуайцином, и лишь тогда отправился в путь.

http://bllate.org/book/16283/1466721